

Новый роман тульского писателя Якова Шафрана «Восхождение»* ненавязчиво подтолкнул меня к мысленному построению литературной ретроспективы своей тематикой, заключающей в себе некую сакральность и, если угодно, краеугольность, которая не сразу заявляет о себе, до поры пребывая втуне. Однако обойти ее в нашем разборе вряд ли получится, да и не целесообразно, поэтому начать придется издалека.

Путь самореализации творческой личности — очень болезненная тема по многим причинам. Сразу оговорюсь: я не углядываю вторичности в последовательной повторяемости одних и тех же коллизий разными авторами, потому что на поверку это оказывается не одним и тем же, и совершенно нет причины пенять творцу, мол, дважды не войти в ту же самую реку. Даже если целый ряд авторов намеренно через полувекковые промежутки начнет выдавать романы на обозначенную тему, получатся совершенно разные книги. Эпохи меняются порой до неузнаваемости, посему, казалось бы, любые приевшиеся перипетии либо отходят в небытие, либо будут сильно отличаться друг от друга.

Параллели будем проводить, используя только отечественные произведения. Первым в нашей изящной словесности дал подробную картину попыток самовыражения личности с помощью чернил и гусяного пера И. А. Гончаров, следом спустя незначительное время А. Ф. Писемский. В обоих случаях их персонажи не смогли себя творчески реализовать, переориентировавшись под гнетом обстоятельств и давления окружающих на более прозаическое: делание карьеры и достижение финансового благополучия.

В «Обыкновенной истории» милый во всех отношениях провинциал из небогатой семьи Александр Адуев, полный радужных надежд, отправляется штурмовать Петербург. Там у него есть зацепка — многоопытный и рассудительный дядюшка Петр Иванович. Племянник с неукротенной восторженностью делится с ним своими литературными планами, показывает первые стихотворные опусы, однако практичный родич тут же охлаждает его пыл, советуя выбросить все это пустое дело из головы и всерьез заняться карьерой. Первая вылазка в столицу оказалась для молодого человека неудачной, и крайне разочарованный Александр после досадных провалов на канцелярской службе, к чему совершенно не лежала душа, возвращается домой. Позже он, пересмотрев свои взгляды, уже более зрелым вновь прибывает в столицу — и все-таки выбивается в люди. Однако это дается ему с большими духовными потерями, так как ему пришлось «наступить на горло собственной песне».

В романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» главный герой Калинович, тоже из захудалой провинции, мчится в достославный Петербург, окрыленный тем, что в столичном журнале напечатали его первую повесть. Но там ему никто особо не рад, а его давний знакомый, занимающийся редактированием, находясь на смертном одре, без всяких околичностей разбивает в пух и прах надежды начинающего литератора, заявляя, что его творчество слишком рассудочно и вряд ли он когда-либо создаст настоящие шедевры. В конце концов, Калинович, зализав раны, тоже добивается значительных успехов, но совершенно на другом поприще — он удачно женился, проник в бомонд и разбогател. Сначала Писемский намеревался весь роман посвятить творческим исканиям главного героя, но в последующем кардинально его перестроил и литературная тема не осталась довлеющей.

Кстати, по этим произведениям на основе спектакля были сняты прекрасные телефильмы, в которых задействована целая плеяда ведущих актеров: Василий Лановой, Олег Табаков, Михаил Козаков, Валентина Малявина, Анастасия Вертинская, Гриценко-старший. Планка предельно высока, не в пример ряду скандальных перестроечных режиссеров, обнаживших свои малосимпатичные фобии под видом новаторства. Они, наверно, и не сознавали, сколь разрушительную работу вели на своих театральных площадках, пользуясь щедрыми финансовыми вливаниями влиятельных покровителей.

---

* С романом Якова Шафрана «Восхождение» можно познакомиться на сайте «Приокских зорь», перейдя по ссылке <http://www.pz.tula.ru/b2020/b2020publ1.pdf> и на сайте Проза.ру — <https://proza.ru/avtor/byans0&book=4#4>

В двадцатые годы теперь уже прошлого столетия Леонид Леонов вдохновился на невиданный эксперимент — роман «Вор» стоит особняком не только во всем его творчестве, но и во всей нашей словесности. Его своеобразность заключается в том, что повествование ведется от имени некоего автора, который ежедневно фиксирует характерные наблюдаемые сцены, тут же что-то редактируя по ходу действия и словно советуясь с будущим читателем. Это, пожалуй, самое сильное произведение Леонова, настоящий шедевр, хотя впоследствии из-под его пера вышло еще немало крупных вещей, в том числе эпопея «Пирамида».

В этом же ряду стоит знаковый для поколений, выросших в СССР, роман Н. Островского о Павке Корчагине, но это особая тема.

В знаменитой фантазмагории Михаила Булгакова тоже действует литератор — Мастер, написавший повествование о Понтии Пилате. Незнаменитого автора нигде не печатают, подвергают изощренной травле и даже помещают в психушку. Роман остался незавершенным, оборвавшись на полуслове, и трудно со всей определенностью сказать, что же намеревался высказать автор. Что «рукописи не горят»? Но эта утешительная формула столетие назад не помешала Гоголю сжечь второй том «Мертвых душ». Что «ничего не надо просить — сами все дадут?» Пожалуй, тоже слишком красиво, чтобы стать бесспорной истиной.

Изобретательно прикоснулся к теме писательства Владимир Набоков. Его «Дар» — это роман в романе. Он взял и полностью включил в повествование рукопись главного героя. Помню, как меня цапнуло выражение из предисловия к четырехтомнику Набокова, в который попали его произведения на русском языке. Относительно главного персонажа «Дара» сказано, что это «движение в сторону положительного героя». На носу была уже перестройка, а тут такая заплесневелая терминология. У Набокова практически все герои с ущербинкой, только такое его интересовало. Им, населяющим его книги, вряд ли снискать читательского сочувствия, лишь вызовут любопытство. А самое сильное в его творчестве — сам стиль, до сих пор непревзойденный. Подробный и лишенный вульгарной литературоведческой терминологии анализ крайне сложных со сплошными аллюзиями текстов Набокова как русского, так и английского периода, дал известный исследователь его творчества Брайан Бойд, двухтомник которого еще недавно можно было встретить на магазинных книжных полках. Поэтому не будем сильно углубляться.

Ближе к нашему времени за обозначенную тему творческого горения взялся Константин Воробьев, который раньше в основном погружался в военные коллизии. В своей повести «Вот пришел великан», написанной от первого лица, он вывел неприкаянного героя, мучающегося от неустроенности и непонимания окружающих. В одночасье совершенно случайно, помощью новой знакомой он попал в коллектив республиканского издательства. Он сам давно пописывал, и это оказалось для него как нельзя кстати. Не успев как следует закрепиться на новом месте, новоиспеченный редактор стал ухаживать за своей благодетельницей и со всем максимализмом вечно молодой души начал требовать от нее, чтобы она ушла от немолодого и нелюбимого мужа, который, однако, был очень обеспеченным. Дело дошло до рукоприкладства в отношении законного супруга, после чего непризнанному гению пришлось срочно покинуть издательство «по собственному желанию», иначе все могло обернуться гораздо хуже. А рассудительная коллега предпочла отнюдь «не рай в шалаше». Такие вот перипетии с прибалтийским колоритом.

Можно было бы продолжить список книг на тему литературных исканий, но, пожалуй, пора на этом остановиться.

Как видим, во все времена очень непросто было утвердиться творческой личности в этом изменчивом мире, чтобы иметь возможность самореализоваться. Обязательно встанет во весь рост вопрос: а на что существовать? А содержать семью? Герои Гончарова и Писемского не имели серьезных средств, чтобы полностью отдаться творчеству. Михаил Булгаков походя решил эту проблему для своего Мастера. Тот бросил свою копеечную должность музейного смотрителя и засел за роман на библейскую тему. Потому что автор позволил ему вдруг выиграть в лотерею целый куш — сто тысяч. Особенно «впечатляюще» это выглядит на экране, когда Мастер вполне буднично без мимики объясняет Маргарите про свое лотерейное везение, как будто это рядовое дело. Ну конечно, в сказке все делается очень быстро: люди получают невесту откуда свалившиеся наряды, в мгновение ока перелетают из столицы на юга.

На моей памяти весь этот ажиотаж, когда знакомые пачками покупали с очередной зарплатой лотерейки, благо это стоило всего тридцатку, а выигрывали в лучшем случае троячок, если из ста лоскутков на одном сошлась серия. Главным выигрышем была вожденная «Волга» — одна на всю страну. На нее годами стояли в профсоюзной очереди. Рассчитывать, что выигрыш достанется именно начинающему автору и он продаст лотерейку вдвое дороже, чтобы засесть за свои нетленки, было бы верхом наивности. Ага, дали бы тебе полную свободу от всех обязательств, когда в Уголовном кодексе имелась статья о тунеядстве. Недаром же сложилось в ту пору такое понятие, как «поколение дворников и сторожей». Только в таком статусе могли пребывать непризнанные гении, чтобы иметь излишки свободного времени.

Сейчас буквально на наших глазах коллизии разительно изменились. Даже выигрыш легковушки в лотерею не даст особо обогатиться. С накруткой уже не продать лотерейный билет, а саму машину уже на следующий день после получения даже не продать по своей цене. Придется делать скидку. И на эти деньги долго не продержишься, особенно если снимать жилье в столице. Максимум хватит на несколько месяцев. А легковушек теперь развелось столько, что порой жильцам трудно пройти к своим подъездам.

Вот поэтому меня всегда при виде очередного романа о судьбе творца разбирает жуткое любопытство:

а как автор на этот раз решит для своего героя проблему добывания средств? Чтобы при этом было нетривиально и правдоподобно.

Приступая к ознакомлению с романом Якова Шафрана, изданном под эгидой журнала «Приокские зори», я на первых же страницах понял, что он не об альпинистах, хотя на обложке соответствующий рисунок. Он о восхождении к высотам мастерства творческой личности. И не только центрального персонажа — москвича Ивана Бескрайнова. В первую очередь в голове естественно заиграло: а на что же он вознамерился существовать уже в нынешнее время после миллениума? Оказалось, Иван сдает сразу две квартиры, доставшиеся ему по наследству от родственников.

На первый взгляд, в этом нет ничего зазорного. У многих за годы безвременья в одночасье обнулялись накопления — от гиперинфляции, при деноминации и обмене купюр. Аналитики, подкованные в экономике (а нашу трудно назвать таковой на полном серьезе) даже дают советы, как сохранить свою наличность, добытую с невероятным трудом и отложенную на черный день: вложиться в облигации с совокупной доходностью либо купить еще одну квартиру с целью сдачи ее в наем.

Так наш герой и сделал. Но даже люди из ближайшего окружения Ивана не совсем одобряют такое. Вот, например, приятель Светлогонова, гораздо старше по возрасту, постоянно вступает с Иваном в спор по его позиции добывания средств. Советует одуматься, найти что-то более подобающее и перспективное.

«И это он мне, художественной натуре, во всем ищущему вдохновения, музы, импульса жизни говорит?!» — думал он. С другой стороны, Иван в глубине души понимал, что Светогонов все же в чем-то был прав. Ведь ничего он так и не создал к своим годам.

— Стань человеком!»

Действительно, это как-то не по-нашему — превратиться в этакое рантье. А как же тогда с будущим пенсионным обеспечением?

Вторит Светлогонову бабушка Ивана по линии матери Раиса Никифоровна из райцентра Зареченска, к которой он нагрюнул в гости, когда приелось лезущее в душу столичное окружение. Она не преминула придирчиво спросить, чем он конкретно занимается в Москве, кроме сдачи квартир.

«— В Москве? — немного смутился Иван. — Да вот этим и занимаюсь...

— Только этим?! Ну, не дело это... Что и работы никакой серьезной нет у тебя?

— А это что, не серьезно?!

— Ты что, и вправду нигде не работаешь?

— Нет. По-прежнему сдаю квартиры, и на это живу. Хочу писать, сочинять, стать фотохудожником!

— А сколько тебе лет, Иван? — и, не дождавшись ответа, спросила: — Что ты уже написал, сочинил, что сделал конкретного?

— Пока еще ничего серьезного, но вот скоро...»

Занятия творчеством заключались для Ивана в том, что он мимоходом фиксировал чьи-то рассказы о былом, делал вылазки на природу, заносил в блокнотик какие-то мелкие детали, которые в будущем могут пригодиться. Но этого было явно недостаточно. Иван обитал не на Луне и не мог не знать, что сама профессия писателя сильно измельчала из-за массовости. Если подсчитать тех, кто выставляет свое творчество в интернете, издает на свои кровные самопальные сборнички, чтобы просто раздаривать их знакомым, получится «тьмы и тьмы и тьмы». Кто-то даже подсчитал: в наше время позиционирует себя писателями примерно около семисот тысяч человек.

Приговор Раисы Никифоровны был суров:

«— Блажь все это! — решительно сказала бабушка и поднялась. — Если ты за двенадцать, пятнадцать лет ничего не сочинил, то все это — блажь и прикрытие для безделья!»

Мало того, новый знакомый из этой же зареченской глубинки Степан Алексеевич Бобров, успешно подвизавшийся в строительном бизнесе, которым он занимается не только ради денег, тоже вторит в унисон, что Иван находится на неверном пути и ему надо многое менять самым коренным образом.

Давно прошли те времена, когда цезари приближали к себе знаменитых стихотворцев, а императоры и короли давали им почетные должности при дворе, щедро вознаграждая за огромный дар и достижения. Если бы теперешним начинающим вовремя попадалась на глаза книга Алексея Яшина «Житие наше оцифрованное», где взяты на вооружение сатирические язвительные приемы Салтыкова-Щедрина, их радужные надежды зарабатывать с помощью букв родного алфавита изрядно потускнели бы. Не зря же в книге фигурирует отрезвляющая хлесткая фигура речи, вынесенная в заголовок начальной главы и недвусмысленно утверждающая, что нынешний кастальский ключ вдохновения переместился в водопроводную трубу. Все вполне логично, как бы обидно это ни звучало. Если во времена Пушкина и Лермонтова процент владеющих грамотностью в стране составлял незначительную цифру, то сейчас целые массы, едва покинув школу, а то и раньше, обуреваемы болезненным желанием увековечить свое имя в истории с помощью печатного и интернетного слова. На электронных ресурсах скопились километражи самопально зарифмованных строк, которыми можно опутать земной шарик вдоль и поперек. В такой плотной толпе пробиться к Олимпу не хватит никаких титанических локтевых усилий. «Оставь надежду всяк сюда входящий»...

Выдать что-то действительно достойное и конкурентоспособное способны только незаурядные личности. У которых интересный и поучительный жизненный опыт, которые способны генерировать новые

идеи, а не перепевать захватанное. Как видим, с этим у Ивана Бескрайнова оказалось туговато. Его положение усугубилось тем, что редкая по своим душевным качествам девушка Настя, которую он разглядел в зареченской глубинке и с которой он не прочь был создать крепкий союз, тоже не восприняла его всерьез. К тому же она посчитала, что два пишущих в семье — это уже перебор. Она предпочла бы опереться на надежное плечо Степана Алексеевича, несмотря на то, что он был вдвое старше.

Безвыходную, казалось бы, ситуацию разрешило чрезвычайное происшествие. Как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло. Циничный проходимец (даже слабо сказано) Виктор Анатольевич Быстров, возглавлявший почетное место руководителя местного литобъединения, решился на величайшую низость в отношении неприступной Анастасии. Он давно уже превратил рабочее место в настоящий вертеп при всей видимости весьма уважаемого человека, от которого зависело вступление в заветный писательский Союз. Опоив Настю на вечеринке вином со снотворным, он поглумился над доверчивой и непорочной девушкой прямо в своем кабинете. Додумался даже все действие заснять на видеокамеру. Трудно предположить, на что он надеялся. Шантажом заставить девушку выйти за него замуж?..

В такой поистине патовой ситуации начал предпринимать конкретные действия лишь Иван Бескрайнов, а все остальные решили благонамеренно перемолчать, опасаясь всяких пересудов. Но преступление было налицо, и Бескрайнов начал копать, как прирожденный сыщик, чтобы вывести на чистую воду этого гнуса, который как ни в чем ни бывало продолжал носить свой порфироносный ореол. У Ивана нашлись помощники, которым тоже претило, что в местном пантеоне муз творится такое непотребство.

Ивану Бескрайнову удалось переломить ситуацию и взять за горло негодяя, который поспешил retirроваться подальше. Настя сразу другими глазами стала смотреть на своего обожателя. В довершение всего Степан Алексеевич предложил ему немаленькую должность в своей строительной фирме. Техническое образование Ивана пришлось как нельзя кстати. Он продал обе московские квартиры, чтобы переселиться в Зареченск. Что ни говори, это уже поступок (даже несколько) «не мальчика, но мужа». Именно это можно считать отправной точкой к лелеемому Восхождению нашего Бескрайнова. Он своими руками будет созидать, у него появятся новые впечатления, что пригодится в творчестве. Теперь можно не сомневаться, что его повести и романы не будут надуманы, что называется, высосаны из пальца. Как говорят в таких случаях в среде тинейджеров: респект и уважуха! Хотя и пеняют нынешней молодежи по поводу искажения русского языка, но они порой находят такие весомые словечки, изменив буквально пару букв на свой лад.

Яков Шафран пишет вдумчиво, изящно, ему не изменяет тонкий вкус даже при описании довольно скользких тем. Он библейски гуманен ко всем людям, это просто ощущается на подсознании. Правда, я немножко подсадовал, что злодей из литобъединения отделался лишь легким испугом, хотя заслуживал конкретной кары. Вряд ли такие перевоспитуемы. Слишком глубоко в них сидит неприглядное, в данном случае фрейдистски тяготеющее над ним, Быстровым, еще с детских лет, а позже в студенчестве, как видим из романа, и лучше находиться от таких типов подальше.

Следует также отметить, что роман написан в православных традициях. Не случайно мятущийся Иван Бескрайнов, поначалу блуждавший в потемках, обратился за советом к зареченскому батюшке. Многие главки романа «Восхождение» предваряют вставки, в которых действуют ангелы. Они ведут постоянную богословскую полемику, сожалея, что человек в последние годы заметно отошел от христианских заповедей и напоминает заблудшего агнца. С этим небожителе мириться не хотят.

Я. Шафран вложил в уста Ангела свое кредо: «Что касается писательства, то писать о людях нужно так, чтобы и через сто лет не забыли писателя, хоть он и одну вещь создал, а не ради угождения кому-то и неких благ. Особенно важно, чтобы писатель в себе и в других осознал Вечное, стремился видеть, как грех против него ведет к страданию и как слияние с ним и улучшение жизни окружающим дают счастье. И чтобы писатель старался так переживать участь людей, будто сам существует в их обстоятельствах, и находить оправдание человеку. Радость для творца, когда он начинает понимать, что часто не признаваемый труд его имеет иное, вечное, неземное значение, которое не могут ни умалить, ни возвысить земные признания».

Поистине эти строки силой воздействия на читателя напоминают лучшие страницы в книгах наших хрестоматийных классиков.

